

Карина Сейдаметова

СТЕПНЯЦКИЕ ВЕТРЫ

* * *

Карина Константиновна Сейдаметова родилась в городе Новокуйбышевске Самарской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Невский альманах», «Дон», «Русское эхо», «Родная Кубань», «Волга XXI век», «Простор» (Казахстан) и других. Автор поэтических сборников «Позимник», «Соборный свет». Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Декоративные левкой
В чужом виднеются окне.
Москва, оставь меня в покое!
Покой... Он отмечтался мне.
В лесных оврагах медуница
И богородичный чабрец.
А здесь повсюду: лица, лица.
Модернизация, прогресс.
Хвалены и холены дамы,
Достопочтенны господа.
Над древним капищем реклама
Нарисовалась без стыда.
Срамною девкою уронит
Неона слезки во дворы.
О, город горестных ироний,
Уставший от своей игры.
От пресыщенья вечно хмелен,
Презрев свой знаменный распев,
Уж лучше б ты гулял Емелей,
Желанья все перехотев,
Забывший медуницы нежность,
Ромашки скромной простоту.
Я никогда не буду прежней,
Но это — плата за мечту.

* * *

Божия милость резка,
Правда — не темная копоть.
Шип от сухого бруска
Впился занозой под ноготь

И поперек, и повдоль
Ноет, кровит, нарывает,
Но через жгучую боль
Вновь ощущаю — жива я.

Так же, наверно, в душе
Ноет заноза-приблуда.
А исцеленье уже
Уподобляется чуду.

Злобным занозным речам
Верится волей-неволей.
Свойственно слову крепчать,
Душу ужалив до боли.

Чтобы сквозь боль и огонь
Пришлого, подлого, злого
Солнцем сочиться — лишь тронь!
В жизненных сотах медовых.

* * *

Все это есть. Видишь, все это здесь:
радость роднится с печалью,
лисью хвалу и крысиную спесь
ласточки в небо умчали.

Ливень обрушился с хрупких небес,
словно шальной новобрачный.
Все это есть. Слышишь, все это лес.
Капли сквозные прозрачны.

Все это вспомнилось, все это есть:
осень не стала иною,
с ливнем блажная нахлынула весть
та, что должна быть благою.

Весть, что по огненным листьям рудым,
радости не отвергая,
въедливой осени лиственный дым
поздним теплом настигает.

Тех, кто взახлеб целовал листвою,
истина встретит нагая.
Двух своевольниц. Не нас ли с тобой,
осень моя дорогая?

* * *

В непроглядный рассвет октября,
на асфальт антрацитовый глядя,
за последнее благодаря,
в мир смотрю, что теплом обокраден.

В сквер, что лысого черта страшней,
пробирается холод змеиный.
И, античного мифа древней,
распадается мир на руины.

А потом расщепляется на
сто извивов асфальтовых трещин...
Перелив золотого руна
так ошибочно нам был обещан.

На коварный вопрос октября
слишком красноречиво молчу я.
Пусть другие теперь говорят,
но страны под собою не чуют,

и с октябрьской скупостью злой
пусть руно догорает в кострище...
Все мы станем однажды золой
на одном мировом огневище

из обманутых волей чужой,
из оболганных, мытарей сырых,
лишь бы за порубежной межой
нам не отмежеваться от мира.

В сотый раз умолчу обо всем,
что могло бы свершиться однажды.
Что теперь к небесам вознесем
с аргонавтовой жаждой?

* * *

Не кляни февраль, что сир и пег,
не кляни законы мирозданья.
Человеку нужен человек
в наказанье или в оправданье.

В одичалом городе пустом
ты бредешь на свет иллюминаций,
думая о важном и простом:
как за славой сумрачной угнаться?

Безразличен к мерам и мирам
и не находя родного места

ты бредешь на лампочный вольфрам
в темноту усталого подъезда,

перепутав час, и день, и век
в этом суматошном мелкотемье.
Человека лечит человек,
а отнюдь не время и терпенье.

Жаль, что с человеками беда
горемычная — со всеми нами.
Идеал — один и навсегда —
все-то ищешь днями с фонарями.

Он исчез, безмолвный имярек,
тот, с кем ты мечтал быть счастливым вместе,
скучный идеальный человек,
вывернувший лампочку в подъезде.

* * *

За разлукою встреча, за встречей разлука,
Нет нужды называть имена.
Тополиная стылость — скупая порука —
Без вины виноватых вина.

Участь всех разлученных взывать к милосердью
От начала библейских времен.
Отчего же бедой отдается в предсердье
Свято-Троицкий лаврский звон?

И растет, и гудет, подпирая некрополь,
Исполиновый, как на духу,
Вечно памятный, неумираемый тополь,
И земля утопает в пуху.

Снова временный высверк внезапной любви
Гасит ненависти прямота.
Шелестит растворенное в листовном слове
Первородное имя Христа.

День и ночь отпевает расхристанный ветер
Расставальный разлучный рассвет.
И щебечут птенцы — соловьиные дети:
«Смерти нет, смерти нет, смерти нет».

* * *

Повинную голову меч не сечет.
Кровавая выдалась зорька.
Постичь непреложный житейский расчет.
Сердешный мой, что же так горько?

И день понесется сорвиголовой
По диким степям-бездорожьям.
Не каждое слово — удар ножевой —
Излечишь целебной ложью.

Степняцкие ветры, лихие мечи
Упрятаны в ножны земные.
Ну что ж ты, сердешный, в сторонке молчишь,
Решив повиниться впервые.

С улыбкой смиренной идущий на казнь,
Не жди воздаяния в слове.
Твою беспощадную чую приязнь,
Я меч свой держу наготове.

Спокойно сажу у холодной реки,
Смотрю, как дрожат золотые
Кувшинки речные, вдеваю в крючки
Рыбацкие лески простые.

Мне льстивые вражьи повадки видны
В цветении болиголова.
Я чаю под вечер с речной стороны
Урочного часа улова.